

АПРЕСЯН Ю. Д.

ИНТЕГРАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА И ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

Интегральным, или единым, мы будем называть такое лингвистическое описание, в котором грамматика и словарь согласованы друг с другом по типам помещаемой в них информации и по формальным языкам ее записи [1, с. 5]. Этот тип описания, сложившийся первоначально в лингвистическом моделировании, представляет, как нам кажется, и общетеоретический интерес. Очевидно, что всякое научное описание языка должно в идеале стремиться к интегральности, т. е. к такой картине языка, в которой грамматические правила и словарные статьи настроены друг на друга и способны к информационному взаимодействию.

В настоящей работе делается попытка извлечь некоторые лексикографические следствия из концепции интегрального описания языка. Более конкретно, задача состоит в исследовании тех требований, которые грамматика и другие лингвистические правила, включая семантические, прагматические и коммуникативные, предъявляют к описанию лексики в силу принципа интегральности; вопрос об обратном воздействии лексикографического описания на грамматику (в указанном выше широком смысле), сам по себе исключительно интересный, в данной работе будет занимать нас в меньшей степени. Выяснив эти требования, мы попытаемся представить в общих чертах структуру и состав словарной статьи толкового словаря, мыслимого как компонент интегрального лингвистического описания.

1. Об интегральном описании языка

Выше мы сказали, что свойством интегральности обладает такое лингвистическое описание, в котором грамматика и словарь настроены друг на друга и способны к информационному взаимодействию. Это, в частности, значит, что словарная статья каждой лексемы должна в явном виде содержать всю лингвистическую информацию, обращения к которой могут требовать правила грамматики. Рассмотрим три примера.

Известно, что грамматики русского языка оперируют синтаксическим признаком исчисляемости — неисчисляемости существительных. Исчисляемыми обычно называются имена таких объектов, которые можно считать. Таковы, например, существительные ДЕРЕВО, ДОМ, КНИГА, РУКА, СЛОВО (исчисляемые) в противоположность существительным БЕДНОСТЬ, ДАВЛЕНИЕ, КАРТОФЕЛЬ, НЕВЗГОДА, ТИШИНА (неисчисляемым). Синтаксически исчисляемые существительные отличаются от неисчисляемых тем, что могут употребляться в количественной конструкции, т. е. в сочетании с числительным в качестве зависимого; ср.: *две руки* <книги>, *пять деревьев* <домов, слов>, но не **две бедности* <невзгоды>, **пять картофелей* <тишин>.

Заметим, что наличие у какого-то существительного форм множественного числа еще не делает его синтаксически исчисляемым. Так, большинство лексем, обозначающих физические параметры предметов или процессов, формально имеют множественное число, но счету не поддаются. Ср.: *высокие* <низкие> *температуры* <скорости>, *большие глубины* <давления, напряжения>, но не **четыре температуры* <скорости> (в том значении, которое здесь имеется в виду), **пять глубин* <давлений, напряжений>.

Признак исчисляемости не всегда мотивирован семантически. Весьма показательны в этом отношении пары (квази)синонимов, один из которых

является бесспорно исчисляемым существительным, а другой — бесспорно неисчисляемым. Таковы, например, существительные СМЕРТЬ (ср. поговорку *Двум смертям не бывать, а одной не миновать*, рассказ Л. Толстого «Три смерти») и ГИБЕЛЬ (ср. **две <три> гибели*).

Поскольку синтаксические признаки исчисляемости — неисчисляемости в общем случае не могут быть автоматически выведены из каких-либо других свойств соответствующих существительных, они должны фиксироваться в словаре. В противном случае словарь не сможет взаимодействовать с грамматикой, во всяком случае, с тем ее синтаксическим правилом, на основе которого распознаются и формируются количественные конструкции. Отметим первый практический лексикографический шаг в этом направлении [2].

Рассмотрим теперь более сложный и интересный признак ряда глагольных лексем, замеченный довольно давно (см., например, [3, с. 179 и сл.]), но введенный в активный научный оборот в последние 10—15 лет, — семантический признак стативности (см. [4, с. 100—109]; [5, с. 121]; [6]; [7, с. 713]; [8, с. 105 и сл.]; [9, с. 39—40]; [10, с. 244 и сл.]; [11, с. 43 и сл.]; [12, с. 91—101]; в этих работах указано большинство свойств стативных глаголов, перечисляемых в нашей сводке, приводимой ниже). Нет нужды говорить, что признак стативности не регистрируется ни в одном словаре. Между тем он имеет интересные морфологические, словообразовательные, синтаксические и семантические проявления, так что ссылка на него должна быть предусмотрена в самых разных типах правил.

К стативным можно отнести глаголы, обозначающие: а) существование, ср.: БЫТЬ, ИМЕТЬСЯ, СУЩЕСТВОВАТЬ; б) наличие свойства, ср.: БЕЛЕТЬ, ВИДНЕТЬСЯ, ВЫДЕЛЯТЬСЯ, ОТЛИЧАТЬСЯ (ср.: *Он отличается независимостью*); в) равенство, идентичность, ср.: ВЕСИТЬ (*два фунта*), НАСЧИТЫВАТЬ (*Деревня насчитывает сто домов*), РАВНЯТЬСЯ, СОСТОЯТЬ (*из восьми блоков*), СТОИТЬ (*два рубля*); г) различные пространственные, временные и «отображательные» взаимоотношения между двумя (или более) предметами, ср.: ВКЛЮЧАТЬ (*Список включает тридцать имен*), ВРЕЗАТЬСЯ (*Отмель врежется глубоко в воду*), ИЗОБРАЖАТЬ (*Что изображает эта картина?*), НАВИСАТЬ (*Скалы нависают над морем*), СОДЕРЖАТЬ, СОПРОВОЖДАТЬ (*Бред сопровождает лихорадку*), СООТВЕТСТВОВАТЬ; д) владение, принадлежность, ср.: ВЛАДЕТЬ, ИМЕТЬ, ОБЛАДАТЬ, ПРИНАДЛЕЖАТЬ; е) восприятие, ср.: ВИДЕТЬ, ОБОНЯТЬ, ОСЯЗАТЬ, СЛЫШАТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ; ж) волевые состояния, ср.: ЖАЖДАТЬ; ЖЕЛАТЬ, ХОТЕТЬ; з) эмоциональные состояния и отношения, ср.: БОЯТЬСЯ, ГОРДИТЬСЯ, НАДЕЯТЬСЯ, СТЫДИТЬСЯ; ЛЮБИТЬ, НЕНАВИДЕТЬ, НРАВИТЬСЯ, УВАЖАТЬ; и) интеллектуальные состояния, ср.: ВЕРИТЬ, ДУМАТЬ (*что, в противоположность думать о чем*), ЗНАТЬ, ПОНИМАТЬ, СЧИТАТЬ.

Иногда к числу стативных относят и глаголы, обозначающие положение в пространстве, — ВИСЕТЬ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ, СТОЯТЬ. В более проницательных семантических классификациях они выделяются в особый класс «статичных» глаголов [6, с. 494].

В значениях девяти перечисленных выше классов стативных глаголов трудно найти какой-либо общий смысловой компонент. В каждом или почти в каждом классе стативность предстает в каком-то новом семантическом обличье. Однако, несмотря на отсутствие постоянного семантического коррелята в значениях всех стативных глаголов, они имеют ряд общих морфологических, словообразовательных, синтаксических и семантических проявлений. Точнее, чем «стативнее» глагол, тем в большей мере ему присущи перечисляемые ниже свойства. Проблематично существование такого канонического статива, который обладал бы ими всеми. Поэтому почти на каждое свойство можно подобрать контрпримеры. И все же они не разрушают общего понятия стативности, хотя могут потребовать его расщепления.

(1) Для многих стативов ограниченно возможны или вовсе невозможны формы императива в его основном значении, ср.: *Смотри на картину*,

но не *Видь картину, Изучай математику, но не *Знай математику. Оговоримся, что глагол ЗНАТЬ в фактивной функции (как и некоторые другие стативы групп з), и)) имеет форму императива, притом прагматически весьма любопытную, — см. раздел 3; ср. также замечания о формах *знай* и *видь* в [11, с. 72—73].

(2) Стативы, за немногими исключениями (преимущественно из групп г), е), з), и)), не имеют форм СОВ (ершенного вида); ср.: *Поэт изображает* <изобразил> своего героя *этаким Дон-Жуаном*, *Автор сопровождает* <сопроводил> текст *примечаниями* (значение действия, обе формы) и *Картина изображала* горное озеро, *увиденное* *сквозь заросли мощных ядовито-зеленых растений* (Ф. Искандер), *Бред сопровождал* *лихорадку* (стативное значение, только НЕСОВ; ср. невозможность **Картина изобразила горное озеро*, **Бред сопровождал лихорадку*). В тех случаях, когда номинально форма СОВ у стативов есть, она отличается по значению от стандартных семантических соотношений СОВ и НЕСОВ [см. ниже, пункт (10)].

(3) Стативы не образуют делимитативов и пердуративов, т. е. не имеют способов действия (производных) типа **познать* (что-л. некоторое время), **прознать* (математику три года).

(4) Стативы не сочетаются с наречиями образа действия типа ЛОВКО, МАСТЕРСКИ, НЕБРЕЖНО, ОСТОРОЖНО, С ЭНТУЗИАЗМОМ, ТЩАТЕЛЬНО, ЭНЕРГИЧНО и с наречиями скорости и градуальности типа БЫСТРО, МЕДЛЕННО, ПОСТЕПЕННО; ср.: *Он осторожно смотрел на пациента*, но не **Он осторожно видел пациента*, *Он быстро выучивает физику*, но не **Он быстро знает физику*.

(5) Стативы не сочетаются с так называемыми «инклюзивными» обстоятельствами времени типа за <в> два часа, за <в> три года (отличающимися от обычных обстоятельств длительности типа три часа, два года значением законченности действия); ср.: *Джон выучивает географию за <в> два часа*, но не **Джон знает географию за <в> два часа*.

(6) Стативы не употребляются в возвратно-пассивной конструкции; ср. неправильность **Он любит* < **ненавидится*, ?*уважается* > *всеми, кто его знает*, ?*Теорема Бернулли плохо вами понимается*, **А что считается по этому поводу тобой?* Даже конструкция со страдательным причастием для них невозможна или сильно затруднена, а сами формы, являющиеся по происхождению причастными, во многих случаях обнаруживают отчетливую тенденцию к превращению в прилагательные; ср.: ВИДИМЫЙ, ЛЮБИМЫЙ, ОСЯЗАЕМЫЙ, УВАЖАЕМЫЙ.

(7) Стативы не могут находиться в области действия предикатов типа ДЕЛАТЬ, ЗАНИМАТЬСЯ; ср. *Он занимается* <занят> *тем, что смотрит на картину*, но не **Он занимается* <занят> *тем, что видит картину*. По-видимому, похожий фактор препятствует сочетанию стативов с модальными глаголами типа ПОЗВОЛЯТЬ, РАЗРЕШАТЬ, ВЕЛЕТЬ, ПРИНУЖДАТЬ, ПРИКАЗЫВАТЬ и т. п., ср.: *Он не позволил* <не велел> *мне изучать математику*, но не **Он не позволил* <не велел> *мне знать математику*.

(8) В случае сочинения стативов они не могут обозначать следующих друг за другом событий. Высказывания типа *Он хорошо знает и понимает музыку*, в отличие от высказываний типа *Он открывает и закрывает дверь*, всегда обозначают только одновременные состояния.

(9) В форме НЕСОВ стативы не имеют актуально-длительного и настоящего (профетического) значений; ср.: *Когда он вошел, я учил физику*, но не **Когда он вошел, я понимал* <знал> *физику*; *Завтра все студенты нашей группы занимаются теоремой Бернулли*, но не **Завтра все студенты нашей группы знают* <понимают> *теорему Бернулли*. Добавим, что поскольку у стативов нет актуально-длительного значения, они не могут употребляться в псевдосочинительных конструкциях с повторением глагола. Ср.: *Сапожник бился, бился и наконец за ум хватился* (Крылов), *Пули летели и летели* (Гаршин) при сомнительности или невозможности **Он знал, знал математику, и все без толку*, **Он знал и знал математику*. Такие конструкции имеют «значение длительности и постоянства предикативного признака, „сп.тошь“ заполняющего собой значительный проме-

жуток времени» [13, с. 34—35]; из этой работы заимствованы и приведенные здесь примеры).

(10) В форме СОВ, если номинально она у них есть, стативы имеют не каноническое «точечное», а начинательное (ингрессивное) значение; ср.: *Он думает <подумал>, что дома никого нет, Его сын любит <полюбил> музыку, Скалы нависают <нависли> над морем.*

(11) Формально у некоторых стативов имеется многократный способ действия, ср.: ЗНАВАТЬ, ВИДЫВАТЬ, СЛЫХИВАТЬ. Однако, в отличие от подлинно многократных глаголов типа СИЖИВАТЬ, ХАЖИВАТЬ, они не обозначают повторяющихся событий.

(11) У некоторых стативных глаголов, первым актантом которых является живое существо, оно обозначает не субъект действия, а его объект, в частности, объект восприятия; ср.: *Мальчик видит лису* — с лисой ничего не происходит, а состояние мальчика (точнее, состояние сетчатки глаз мальчика) меняется. Если в таких ситуациях и есть субъект действия, то это скорее второй актант глагола (в нашем примере — лиса). Таким образом, семантика подлежащего и дополнения стативных глаголов может диаметрально отличаться от семантики подлежащего и дополнения активных глаголов. В этом отношении они сближаются с пассивной формой активных глаголов.

Вне всяких сомнений, перечисленные свойства допускают обобщение. Ясно, однако, что как бы мало обобщенных свойств у нас ни осталось, в полном лингвистическом описании русского языка они должны быть явно зафиксированы в виде правил или условий к правилам. Правила или условия к ним должны блокировать распознавание или построение невозможных для стативов морфологических форм, дериватов, синтаксических конструкций или семантических структур.

Ввиду многочисленности стативов их невозможно перечислять во всех подобных правилах. С другой стороны, в значениях (толкованиях) стативных глаголов нет никакого общего смыслового компонента, из которого признак стативности можно было бы выводить автоматически. Следовательно, правила должны апеллировать непосредственно к признаку СТАТИВН(ости). Лексикографически это значит, что признак СТАТИВН (или серия таких признаков) должен быть приписан всем стативным лексемам в словаре. В противном случае правила не смогут с ними взаимодействовать.

Рассмотренные примеры иллюстрируют проблему односторонней подстройки словаря к грамматике: взаимодействие словаря с грамматикой на этом участке описания языковой системы будет обеспечено, если в словарные статьи лексем будут явным образом включены требуемые синтаксические или семантические признаки или если они окажутся автоматически выводимыми из других явно упоминаемых в словаре свойств лексем.

Следующий пример, разработанный автором совместно с Л. Л. Иомдиным, более поучителен. Он показывает глубокие обратные связи между грамматикой и словарем, когда оказывается необходимым либо найти весьма нетривиальную лексикографическую трактовку слова, либо согласиться на радикальную ревизию важнейших грамматических правил. Речь пойдет о лексикографическом описании синтаксических валентностей английского глагола ANSWER в основном значении «отвечать».

На первый взгляд, никакой серьезной проблемы здесь нет: синтаксические валентности ANSWER находятся во взаимно-однозначном соответствии с его семантическими валентностями, и задача, следовательно, сводится к тому, чтобы обнаружить эти последние.

Ответ — это реакция одного коммуниканта на вопрос другого. Следовательно, в ситуации ответа принимают участие четыре семантических актанта: 1) деятель (кто отвечает), 2) содержание (что именно отвечает), 3) адресат (кому отвечает) и 4) стимул (на что отвечает).

Все четыре актанта имеют ясное синтаксическое выражение.

Первый актант (деятель, обычно лицо) выражается именной группой, ср.: *He <John> didn't answer* «Он <Джон> не ответил».

Второй актант (содержание) выражается а) придаточным дополни-

тельным предложением (с союзом THAT или бессоюзным), ср.: *He answered (that) he didn't remember anything* «Он ответил, что ничего не помнит»; б) косвенным вопросом, ср.: *You didn't answer why you had been absent <with whom you had spent the night>* «Ты не ответил, почему тебя не было <с кем ты провел ночь>»; в) вопросительным, отрицательным, неопределенным или указательным местоименным существительным, ср.: *What did he answer?* «Что он ответил?», *He answered something I couldn't make out* «Он ответил что-то, чего я не мог понять»; г) словом WORD в отрицательном или вопросительном контексте, ср.: *He didn't answer a word* «Он не ответил ни слова»; д) адвербиальными фразами IN THE AFFIRMATIVE «положительно», IN THE NEGATIVE «отрицательно», которые ни на что существенно не влияют и поэтому в дальнейшем не учитываются.

Третий актант (адресат, обычно лицо) выражается именной группой, ср.: *Answer me <John>, please* «Ответь мне <Джону>, пожалуйста».

Наконец, четвертый актант (стимул) выражается а) существительными типа QUESTION «вопрос», REMARK «реплика», PROPOSITION «предложение», INVITATION «приглашение» и т. п., вводимыми предлогом TO или беспредложно; ср. *He answered all the questions* «Он ответил на все вопросы»; б) указательным местоименным существительным, ср.: *You didn't answer it <that>* «Ты на это не ответил».

При описании синтаксических валентностей предикатного слова существенное значение имеет также информация 1) о факультативности — обязательности валентностей и 2) об их совместимости — несовместимости.

Информация по первому пункту предельно проста: как следует из приведенных выше примеров, все «правые» валентности ANSWER синтаксически факультативны.

Информация о совместимости — несовместимости несколько сложнее. Две валентности ANSWER — вторую и третью — можно считать совместимыми при любых обстоятельствах. Что касается четвертой валентности, то она совместима со второй и третьей только тогда, когда выражена именной группой с предлогом TO, и несовместима в случае беспредложной реализации; ср. неправильность **You answered nothing that question*, **You didn't answer him that question*.

Даже в случае предложной реализации четвертая валентность ограничено совместима со второй и третьей. Назовем эти ограничения.

Вторая валентность не может быть выражена косвенным вопросом: ср. неправильность **To that question he answered why he had retired*.

Если вторая валентность выражена придаточным дополнительным предложением, то группа четвертого актанта *to something* должна быть вынесена в препозицию к нему. Для остальных допустимых способов выражения второй валентности это необязательно. Ср.: *He answered nothing to that question*, *To that question he answered nothing* «На этот вопрос он ничего не ответил», но только *To that question he answered that the case would be reconsidered* «На этот вопрос он ответил, что дело будет пересмотрено», при невозможности **He answered that the case would be reconsidered to that question*.

Что касается третьей валентности, то для ее совмещения с четвертой желательна реализация второй валентности со всеми присущими этому ограничениями.

Конечно, эти сведения намного превосходят по объему и детальности формулировок те скудные пометы об управлении, которые обычно даются в толковых словарях. И все же кажется, что синтаксическая нетривиальность ANSWER сильно преувеличена. Разница между ANSWER и его ближайшим английским квазисинонимом REPLY или русским аналогом ОТВЕЧАТЬ как будто чисто количественная, а не качественная: просто его управляющие свойства гораздо сложнее. Но здесь трудно усмотреть проблему. В лингвистике давно были предложены методы лексикографирования в виде моделей управления даже более сложных управляющих свойств слов (см., например [14; 15, с. 119—156]). Надо зафиксировать всю изложенную выше содержательную информацию на формальном языке моделей управления, и задача как будто решена.

Нетривиальность, уникальность и даже загадочность ANSWER дают о себе знать только тогда, когда мы покидаем почву лексикографии и переходим в область синтаксиса.

Первая синтаксическая странность, обращающая на себя внимание, состоит в том, что ANSWER является, по-видимому, единственным английским глаголом, который может иметь три разных беспредложных дополнения: *to answer something* «ответить что-л.», *to answer somebody* «ответить кому-л.», *to answer the question* «ответить на вопрос». Но к такого рода неожиданностям лексикограф должен быть готов: уникальность некоторых синтаксических свойств лексем — явление совершенно ординарное.

Вторая — критическая — особенность ANSWER, тесно связанная с этим уникальным свойством, касается правил образования пассивных конструкций. При ANSWER не только первое, но и третье беспредложное дополнение (четвертый актанта) легко допускает пассивизацию: *My question has not been answered yet* «Я еще не получил ответа на свой вопрос». Этот факт ставит ANSWER в исключительное положение, потому что не укладывается в существующие правила образования пассивных конструкций в английском языке, а они и без того достаточно экзотичны.

Как известно, в английском литературном языке, в отличие от большинства типологически и генетически родственных ему языков, возможны, помимо нормального пассива, еще три: 1) с перемещением в позицию подлежащего второго или третьего актанта, выполняющего роль косвенного дополнения при активной форме глагола; ср.: *He was helped* «Ему помогли», *He was given a book* «Ему дали книгу»; у ANSWER, несмотря на его близость к глаголам типа GIVE «давать», этот пассив менее обычен; 2) с перемещением в позицию подлежащего второго актанта, выполняющего при активной форме глагола роль предложного дополнения или обстоятельства, ср.: *The picture was not looked at* «На картину (никто) не посмотрел»; 3) с перемещением в позицию подлежащего второго актанта, выполняющего при активной форме глагола роль предложного дополнения со значением местонахождения, ср. *The bed has not been lain* *<slept>* in «В постели никто еще не лежал <не спал>».

Как видим, рассмотренная выше пассивная конструкция с глаголом ANSWER, действительно, отличается от всех известных пассивных конструкций английского языка тем, что в ней в позицию подлежащего перемещается четвертый актанта глагола. Таким образом, мы оказываемся перед альтернативой — либо предпринять радикальный пересмотр английского синтаксиса и ввести в него — из-за одной-единственной лексемы! — четвертую пассивную конструкцию, либо дать другое лексикографическое описание ANSWER, которое не потребует никаких революций в синтаксисе. При прочих равных условиях предпочтителен второй путь.

Для решения указанной трудности мы предлагаем описывать управляющие свойства ANSWER не одной, а двумя разными моделями управления, связанными между собой довольно необычным словарным правилом конвертирования. Основная модель — четырехместная, с предложным дополнением *to something* на четвертом месте: *He didn't answer me anything to that question* «Он мне ничего не ответил на этот вопрос». Вторая модель — тоже четырехместная, но не допускающая реализации второго и третьего семантических актанта. Четвертый семантический актанта ANSWER перемещается в ней на вторую синтаксическую валентность и выражается только беспредложным дополнением: *He answered all the questions* «Он ответил на все вопросы». Условием конвертирования первой модели во вторую является отсутствие в данном предложении второго и третьего семантических актанта ANSWER. Одна пассивная конструкция, с выносом второго семантического актанта (содержания) в позицию подлежащего, образуется по первой модели управления, а другая, с выносом четвертого семантического актанта (стимула) в позицию подлежащего, образуется по второй модели управления.

Это решение не только идеально укладывается в имеющиеся правила

наглийского синтаксиса, но и существенно упрощает формулировку условий совместной реализации трех «правых» валентностей.

Анализ глагола ANSWER ясно показывает, что слова в словаре нельзя описывать в отрыве от грамматических правил, а грамматические правила нельзя формулировать без учета индивидуальных, а иногда и уникальных свойств слов. Необходимо проследивать самые отдаленные следствия принимаемых лексикографических решений на всем пространстве грамматических фактов и следствия грамматических решений на всем пространстве лексем. Именно так строится интегральное описание языка.

2. Классификационная и операционная лексикографическая информация

Толковый словарь как компонент интегрального лингвистического описания должен включать два логически различных типа лексикографической информации — классификационную и операционную.

Классификационная информация — это информация о различных свойствах лексем, на основе которых они становятся объектами правил. Такова информация о части речи, синтаксических признаках типа исчисляемости — неисчисляемости, моделях управления, семантических и прагматических признаках типа стативности, перформативности и т. п.

Операционная информация — это информация о самих правилах, т. е. предписаниях о том, в какой другой объект должен быть переработан данный объект при той или иной совокупности условий. В контексте нашей работы речь идет, разумеется, не об общих правилах грамматики, а лишь о тех правилах, которые охватывают небольшие группы лексем или даже отдельные лексемы и которые поэтому естественнее всего отражать именно в словаре.

В действующих лингвистических моделях различаются два типа лексикографически релевантных правил — трафаретные (частные) и словарные¹. Трафаретные правила касаются ограниченных групп лексем с отчетливо выделяемыми общими свойствами, например, совпадающими синтаксическими, семантическими или прагматическими признаками, совпадающими конструкциями и т. п. Они записываются в специальном компоненте модели, который было бы уместно назвать грамматикой словаря, или малой морфологией и малым синтаксисом. В словарную статью каждой лексемы, для которой релевантно такое правило, помещается ссылка на него, например, в виде его имени. Она-то и активизирует правило. Словарные правила касаются одной лексемы или очень узкой группы лексем, не имеющих интересных общих свойств, и включаются целиком в словарную статью каждой такой лексемы.

С другой точки зрения, правила делятся на конструктивные и контрольные. Конструктивные правила — это правила анализа и синтеза определенных лингвистических объектов. Так, правила семантического анализа вырабатывают семантические представления предложений по их синтаксическим представлениям. Контрольные правила — это правила-фильтры, которые позволяют на основании универсальных или характерных для данного языка ограничений отсеивать неудачно проанализированные или синтезированные лингвистические объекты как неправильные. Они имитируют способность говорящих отличать правильное от неправильного в языке.

Поскольку операционная информация обычно не включается в толковые словари, имеет смысл показать на конкретном материале, какого рода сведения имеются в виду.

В [13, с. 57 и сл., с. 87 и сл.] описаны конструкции типа *сидела шила, ходит ворчит, лежит думает, стоит киснет, идем дремлем* и параллель-

¹ Раньше мы различали только общие и частные (=словарные) правила [16]. Разбиение частных правил на трафаретные и словарные было предложено в [17, с. 11—14].

ные конструкции с союзами И, ДА, ср.: *сидит и <да> слушает, лежит и не спит, стою и плачу, ходишь <идешь> да смотришь*. Они обозначают «конкретное действие, осуществляемое в процессе пребывания в том или ином состоянии». При этом позиция действия относительно свободна (ср.: ВОРЧАТЬ, ДРЕМАТЬ, ДУМАТЬ, КИСНУТЬ, ПЛАКАТЬ, СЛУШАТЬ, СМОТРЕТЬ, СПАТЬ, ШИТЬ и т. п.), а позиция «состояния» связана, т. е. заполняется очень немногими глаголами. Н. Ю. Шведова упоминает только пять таких глаголов: ИДТИ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ, СТОЯТЬ и ХОДИТЬ. Менее обычны, но все же не исключены в этой позиции и некоторые другие глаголы перемещения и положения в пространстве, ср.: ВИСЕТЬ, ЕЗДИТЬ, ЕХАТЬ, ЛЕТАТЬ, ЛЕТЕТЬ и т. п. Хотя на первый взгляд предложения типа *Вишу (и) думаю, Лечу <летаю> (и) смотрю* могут показаться экзотичными, легко представить реальные ситуации (скалолаз на страховке, летчик в полете), когда они оказываются вполне уместными.

Внешние синтаксические связи конструкции определяются ее свободным элементом в большей мере, чем связанным. Именно он обычно распространяется за счет второстепенных членов предложения; ср. примеры из [13]: *Народ на нас стоит смотрит* (Лесков), *А я все это сижу да слушаю* (Лесков), где дополнения *на нас* и *все это*, несмотря на свою контактность со «связанным» глаголом, подчинены «свободному» глаголу.

Достоинством еще одно свойство этой конструкции. В ней выполняется условие полного согласования обеих глагольных форм по презентации (либо личные формы, либо инфинитивы, ср.: *Так и будешь сидеть смотреть*), виду, времени, залогу, числу и лицу/роду. Подчеркнем, что для данной конструкции исключены причастная и дееспричастная формы обоих глаголов и пассивная форма «свободного» глагола.

Итак, способностью формировать эту конструкцию обладают две группы глаголов: основные глаголы перемещения (ЕЗДИТЬ, ЕХАТЬ, ИДТИ, ХОДИТЬ, ЛЕТАТЬ, ЛЕТЕТЬ и т. п.) и глаголы положения в пространстве (ВИСЕТЬ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ, СТОЯТЬ). Семантическая неоднородность класса глаголов, формирующих конструкцию, может навести на мысль, что соответствующие синтаксические правила должны быть включены непосредственно в словарные статьи перечисленных выше глаголов. Такое решение, однако, не содержит никакого обобщения и, в сущности, игнорирует интересное явление малого синтаксиса русского языка. Поэтому предпочтительнее описывать эту конструкцию не несколькими словарными правилами, а одним трафаретным. Словарная статья каждой лексемы, способной ее формировать, должна содержать ссылку на это правило малого синтаксиса.

Рассмотрим теперь пример словарного правила.

При путативных глаголах СЧИТАТЬ, ДУМАТЬ, ПОЛАГАТЬ валентность содержания мнения (что субъект считает) может выражаться пропозициональными местоименными наречиями ИНАЧЕ, КАК, ТАК: *А как вы считаете <думаете, полагаете>?, Я считаю <думаю> так <иначе>*². Тот факт, что наречия КАК, ТАК, ИНАЧЕ заполняют именно валентность содержания, подтверждается возможностью их замены пропозициональными местоименными существительными типа НИЧТО, ОДНО, СЛЕДУЮЩЕЕ, ЧТО, ЭТО; ср.: *А что вы считаете <думаете, полагаете>?, Я это не считаю <не думаю>*. Последним свойством, т. е. свойством управлять пропозициональным местоименным существительным, обладают и многие другие путативные и сходные с ними глаголы, ср.: *Я допускаю <признаю, подозреваю> следующее <вот что>*. Однако нам неизвестен ни один путативный глагол, кроме СЧИТАТЬ, ДУМАТЬ и ПОЛАГАТЬ, который обладал бы способностью канонически управлять пропозициональными наречиями КАК, ТАК, ИНАЧЕ. Это их сугубо

² Все три наречия могут выступать в другом своем значении, в функции обстоятельства образа действия: *Как он ходит? — Он ходит так <иначе>*. Различие между пропозициональным и чисто адverbиальным значениями этих наречий аналогично различию между рациональным и сенсорным значениями оценочных наречий как они описаны в [18, с. 15 и сл.].

индивидуальное свойство должно описываться соответствующим словарным правилом, распознающим конструкцию «глагол + его первое дополнение» в контексте названных наречий.

II трафаретное, и словарное правила являются конструктивными: они строят определенный фрагмент синтаксической структуры предложения в указанных выше условиях. Теперь рассмотрим не конструктивное, а контрольное правило, правило-фильтр, которое позволяет браковать синтаксические структуры с неправильными синтаксическими связями между словами. Речь пойдет о сочетаемостных ограничениях, регламентирующих возможность связи между некоторыми путативными глаголами и некоторыми оценочными наречиями.

Применительно к интересующему нас материалу в множестве оценочных наречий русского языка можно выделить по крайней мере три разряда, каждый из которых маркируется своим синтаксическим признаком или признаками. В первый входят наречия типа УДАЧНО, УМЕЛО, УСПЕШНО, которые характеризуют только действия, ср: *Он удачно <умело, успешно> прооперировал больного*. Они, естественно, не сочетаются с путативами, поскольку путативы не обозначают действий (ср. неправомерность **Он удачно <умело, успешно> считает вашу работу интересной*). Во второй разряд входят наречия типа ПОЛОЖИТЕЛЬНО, ОТРИЦАТЕЛЬНО, ПОЗИТИВНО, НЕГАТИВНО, которые характеризуют, как правило, субъект оценки (ср. *положительно <отрицательно> охарактеризовать что-л. <отозваться о чем-л.>*, но не **положительно <отрицательно> прооперировать больного*). Такие наречия должны были бы сочетаться с путативными глаголами. Наконец, в третий разряд входят наречия типа ХОРОШО, ПЛОХО, НЕПЛОХО, которые обладают обоими названными свойствами, т. е. характеризуют и действия, и объекты оценок; ср. *хорошо <плохо> убирать квартиру* (хорошее <плохое> мнение об уборке квартиры, а не о квартире) — *хорошо <плохо> отозваться о своем сотруднике* (хорошее <плохое> мнение о сотруднике, а не об отзыве). Благодаря последнему свойству они тоже должны были бы сочетаться со всеми путативами.

Фактически, однако, большинство путативов, за исключением ДУМАТЬ, СУДИТЬ и, может быть, РАССМАТРИВАТЬ, РАСЦЕНИВАТЬ, СМОТРЕТЬ, не сочетаются ни с какими из этих оценочных наречий. Можно сказать *Он очень хорошо <плохо> думает о вас*, но не **Он очень хорошо <плохо> считает вас*, *Мы положительно рассматриваем <расцениваем> новые тенденции в мировой торговле*, но не **Мы положительно находим <полагаем> новые тенденции в мировой торговле*.

Еще более поразительным является тот факт, что слово МНЕНИЕ, семантически производное от глагола СЧИТАТЬ (МНЕНИЕ = «то, что мы считаем»), совершенно свободно сочетается со словами ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ, НЕПЛОХОЙ, ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ, ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ; ср. *хорошее <плохое, положительное, отрицательное> мнение о ком-чем-л.* Мы вынуждены, таким образом, заключить, что несочетаемость многих путативных глаголов с оценочными наречиями типа ХОРОШО, ПЛОХО, ПОЛОЖИТЕЛЬНО, ОТРИЦАТЕЛЬНО является их личным и семантически немотивированным свойством. Оно должно описываться в словарных статьях соответствующих путативов контрольным правилом, отсеивающим те синтаксические структуры, в которых установилась (ложная) синтаксическая связь между данным путативом и оценочным наречием указанного выше типа³.

³ Любопытный разряд оценочных наречий, имеющих прямое отношение к обсуждаемому вопросу, образуют наречия типа ВЕРНО, НЕВЕРНО, НЕПРАВИЛЬНО, ПРАВИЛЬНО, СПРАВЕДЛИВО. Это — едва ли не единственный разряд оценочных наречий, более или менее свободно сочетающихся с любыми путативными (и другими подобными) глаголами. Они характеризуют мнения (или другие ментальные акты) с точки зрения их соответствия — несоответствия действительности или представлению говорящего о ней. Ср.: *верно <правильно, справедливо> думать <считать>*, что Р; *верно <неверно, неправильно> рассматривать <расценивать>* Р; *верно <справедливо> судить о Р*.

Мы предвидим, что далеко не все лингвисты согласятся с нашей интерпретацией описанных выше правил как лексикографических фактов. Многие сочтут, что словарь неоправдано расширяется за счет грамматики или что в нем дублируются по существу грамматические сведения. Поэтому мы считаем необходимым подчеркнуть, что ни в коем случае не стремились к погружению грамматики в словарь. В основе нашего лингвистического описания лежит представление о принципиальном паритете словаря и грамматики. Все действительно общие, лексически не ограниченные или не слишком ограниченные закономерности мы бы хотели описывать именно грамматическими правилами. Включение в словарь операционной информации допускается только тогда, когда всякое иное решение делает описание более громоздким и лингвистически менее прощательным. Что касается лексикографического дублирования ряда грамматических сведений, то оно действительно имеет место. Необходимо, однако, иметь в виду, что словарь в большей мере, чем любой другой компонент лингвистического описания, совмещает теоретическое знание и практические сведения справочного характера. В силу последнего свойства он не только допускает лексикографическое дублирование некоторых грамматических правил, но и прямо требует его. Такое дублирование экономит усилия тех, кто обращается к словарю за справками. Хорошо известно, например, что информация о грамматическом роде существительных во многих случаях выводима из их внешней формы. Соответствующие правила сообщаются в грамматиках русского языка. Это отнюдь не делает излишней помету о роде в словарных статьях существительных.

Итак, толковый словарь должен содержать два основных типа информации о лексемах — классификационную и операционную.

Теперь необходимо выяснить, какие свойства лексем могут оказаться существенными для собственно грамматических или других лингвистических правил. Проведенное нами исследование показывает, что правила могут требовать обращения к любым семиотически значимым аспектам лексемы и что, следовательно, все такие аспекты должны стать предметом лексикографирования в рамках интегрального описания языка. Этот тезис придется принять на веру, потому что развернуть его фактическое обоснование в рамках журнальной статьи невозможно.

3. Стрoение языкового знака и типы лексикографической информации

В данной работе языковой знак рассматривается как многосторонняя сущность, у которой выделяются по крайней мере следующие семиотически значимые аспекты: 1) означающее, 2) морфология, 3) семантика, 4) прагматика, 5) коммуникативные свойства, 6) синтактика. К сожалению, в этой статье мы не можем аргументировать нашего отказа от сосюрровской концепции двусторонности языкового знака и моррисовской концепции четырехсторонности языкового знака.

Стилистический аспект знака не был здесь упомянут не по недосмотру, а совершенно сознательно. О нем пока нельзя говорить с достаточной степенью определенности, потому что в лексикографической стилистике, как и в стилистике вообще, есть еще много неясного. Номенклатура стилистических помет, разработанная в практической лексикографии с исключительной тщательностью, складывалась, тем не менее, по большей части стихийно. Поэтому в теоретическом отношении она гораздо менее обоснована, чем, скажем, системы морфологических и синтаксических помет. Этим, в частности, объясняется то, что стилистическая информация в толковых словарях не отделяется в достаточной мере от семантической, коммуникативной и прагматической и не интерпретируется с этих точек зрения. А такая интерпретация необходима.

Мы уже обращали внимание на то, что многие стилистические пометы имеют глубокое семантическое содержание [19, с. 517]. В ряду квазиси-

нонимов ГЛАЗА, ОЧИ, ЗЕНКИ, например, лишь стилистически нейтральное слово ГЛАЗА обозначает орган зрения любого живого существа и применимо к описанию любых глаз, независимо от их размера, выражения, красоты и т. п. Книжное слово ОЧИ и просторечное пейоративное ЗЕНКИ отличаются от своего нейтрального квазисинонима ГЛАЗА не чисто стилистически, как принято думать, но и семантически. ОЧИ обозначают большие, выразительные, красивые глаза, притом обычно глаза человека. ЗЕНКИ тоже обозначают только глаза человека, но маленькие, некрасивые, неприятные.

Пометы типа «усилительное» и «эмоционально-усилительное» имеют очевидную коммуникативную подоплеку. Они маркируют лексемы, акцентирующие определенные части высказывания как коммуникативно более важные, чем другие.

Еще более значительно прагматическое содержание стилистических помет. За такими привычными стилистическими пометами, как «вежливое», «вульгарное», «грубое», «проничное», «ласкательное», «неодобрительное», «презрительное», «пренебрежительное», «шутливое», «эвфемистическое», стоят сложные и интересные ситуации общения, требующие серьезной прагматической экспликации.

В тех случаях, когда определенная стилистическая помета имеет несомненно семантическое, коммуникативное или прагматическое содержание, она, как нам кажется, должна помещаться в подзону стилистических помет соответствующей зоны словарной статьи. Ясно, однако, что до тех пор, пока нет надежной содержательной интерпретации всех типов стилистических помет, преждевременно выделять стилистический аспект знака на паритетных началах с другими его аспектами.

Итак, в дальнейшем мы будем иметь дело только с шестью типами информации, которые были упомянуты выше, — означающим, морфологией, семантикой, прагматикой, коммуникативными свойствами и синтактикой. И классификационная, и операционная информация может быть систематизирована по этим шести рубрикам, так что всего получается 12 типов лексикографически релевантной информации. Не только изложить, но хотя бы представить все эти типы в короткой статье невозможно. Поэтому мы ограничимся тем, что, не различая в дальнейшем классификационную и операционную информацию, назовем основные подтипы каждого из шести семиотических типов лексикографической информации, сопровождая их, в случае необходимости, минимальными пояснениями и полунамеками на примеры. В системе нумерации различных рубрик мы попытаемся показать, как мыслится иерархия уровней представления лексикографической информации в структуре словарной статьи.

1. Означающее: 1.1. Орфография; 1.2. Фонетическая транскрипция; 1.3. Слоговая структура⁴; 1.4. Просодические сведения: 1.4.1. Словесное ударение; 1.4.2. Фразовое ударение; ср. вводный оборот ДОЛЖНО БЫТЬ, отличающийся от омонимичного ему словосочетания *должно быть* тем, что никогда не несет главного фразового ударения.

2. Морфология: 2.1. Морфологическая структура (см. [21]); 2.2. Деривационная структура (см. [22]); 2.3. Часть речи; 2.4. Типы словоизменения (в частном, но самом важном случае — ссылка на стандартную парадигму); 2.5. Формальная неполнота парадигмы: 2.5.1. Характеризующая слово в целом, ср.: ДОЛЖЕН, РАД и т. п.; 2.5.2. Характеризующая лексему, т. е. слово в определенном значении; ср. НАСТУПАТЬ в «военном» значении — без формы СОВ, хотя в других значениях она у НАСТУПАТЬ есть; ср. также антонимичный глагол ОТСТУПАТЬ с обеими видовыми формами во всех значениях, включая «военное»; 2.5.3. Характеризующая лексему в определенной конструкции или в определенном словосочетании; ср. глаголы ЕСТЬ, ПИТЬ, ПИСАТЬ, ЧИТАТЬ, имею-

⁴ Информация о слоговой структуре слова как тип информации, сообщаемой в толковом словаре, давно перестала быть лексикографическим новшеством; см., например, Вебстеровские словари и словарь [20].

шие соотносительные формы СОВ. СЪЕСТЬ, ВЫПИТЬ, НАПИСАТЬ, ПРОЧИТАТЬ только в конструкции с реализованным прямым дополнением, но не в абсолютной конструкции *Он ест* <пьет, пишет...>.

3. Семантика: 3.1. Семантические стилистические пометы (типа «книжное»); 3.2. Сведения о семантической неполноте словоизменительной парадигмы; ср. лексему ГЛАВНЫЙ, которая в суперлативе имеет только значение высшей степени признака (*главнейшая задача*), но не значение очень высокой степени признака, и лексему ВАЖНЫЙ, которая имеет оба эти значения (*важнейшая задача дня*, «самая важная», *важнейшая деталь* «очень важная»); 3.3. Толкование; 3.4. Правила взаимодействия значений: 3.4.1. Правила зачеркивания; 3.4.2. Правила модификации; 3.4.3. Правила области действия (типы правил 3.4.1—3.4.3 рассмотрены в [16]); 3.5. Нетривиальные семантические признаки (типа стативности у глаголов); 3.6. Референционные и анафорические сведения (ср. различия между дейктическими и анафорическими значениями лексем ЭТОТ — ТОТ, ЗДЕСЬ — ТАМ, СЮДА — ТУДА и т. п.); 3.7. Энциклопедические сведения (объем энциклопедической информации в толковых словарях неуклонно растет; см. большие словари [23, 24, 20, 25, 27], учебные словари [28, 30] и экспериментальный [14]); 3.8. Конситуативная информация, включая типичные следствия и выводы; 3.9. Сведения о семантической производности; ср. МНЕНИЕ — имя содержания по путативу СЧИТАТЬ, ВРАЧ — имя субъекта по действию ЛЕЧИТЬ; 3.10. Перечень единиц, связанных с данной единицей парадигматическими семантическими отношениями: 3.10.1. Синонимы; 3.10.2. Аналоги; 3.10.3. Конверсивы; 3.10.4. Антонимы; 3.10.5. Гиперонимы; 3.10.6. Гипонимы; 3.10.7. Семантические производные: 3.10.7.1. Имя действия; 3.10.7.2. Имя субъекта действия; 3.10.7.3. Имя объекта действия; 3.10.7.4. Имя инструмента действия; 3.10.7.5. Имя места действия и т. п.

4. Прагматика: 4.1. Прагматические стилистические пометы; 4.2. Прагматические признаки, например, перформативность; 4.3. Коннотации, культурный и образный мир лексемы; ср. коннотации цветообозначений; 4.4. Указание социальных статусов говорящего и слушающего (ср. нюансы употребления местоимений ТЫ и ВЫ вежливого); 4.5. Иллокутивные функции лексемы; ср. набор типичных иллокутивных функций императива — приказ, требование, инструкцию, рекомендацию, совет, предостережение, предложение, приглашение, просьбу и т. п. — и этот факт, что некоторые лексемы имеют не эти стандартные, а весьма идиосинкротичные иллокутивные функции в императиве; так, фактивный глагол ЗНАТЬ в повелительном наклонении имеет уникальную иллокутивную функцию сообщения адресату собственного знания; ср.: *Знай, что он тебя обманул* <что она тебя любит>.

5. Коммуникативные свойства: 5.1. Коммуникативные стилистические пометы; 5.2. Закрепление в функции темы; 5.3. Закрепление в функции ремы; ср. предикативные существительные, наречия, наречные обороты и заставшие глагольные формы типа ГИБЕЛЬ, БЕЗ СЧЕТА, ДО ЧЕРТА, ЗАВАЛИСЬ, ПРУД ПРУДИ и т. п., обозначающие чрезмерное отклонение чего-л. от нормы величина, интенсивности или количества, — они всегда образуют рему высказывания; 5.4. Закрепление в функции данного; 5.5. Закрепление в функции нового.

6. Синтактика: 6.1. Модель управления; 6.2. Синтаксические признаки (например, исчисляемость — неисчисляемость); 6.3. Стандартные лексические функции-параметры; 6.4. Сочетаемостные ограничения: 6.4.1. Коммуникативные: 6.4.1.1. Функция маркировки темы; ср. частицы А, ЖЕ, -ТО; 6.4.1.2. Функция маркировки ремы; ср. частицы ДАЖЕ, ИМЕННО, ЛИШЬ, ТОЛЬКО; 6.4.1.3. Функция маркировки данного; 6.4.1.4. Функция маркировки нового; 6.4.2. Прагматические, например, ограничения на тип речевого акта, в котором может участвовать данная лексема; ср. фразему ОЧЕНЬ НУЖНО, которая в значении проницательного отрицания отличается от свободного словосочетания *очень нужно* тем, что употребляется только в авторской и прямой речи и не употребляется в косвенных речевых актах: *Очень нужно ему советоваться с вами*, но не

*Я считаю, что очень нужно ему советоваться с вами, при абсолютной правильности Я считаю, что ему очень нужно посоветоваться с вами; 6.4.3. Референционные сочетаемостные ограничения: 6.4.3.1. Сведения о кореферентности — некорреферентности актантов данной леммы с актантами других лемм; ср. требование кореферентности семантического субъекта наречий типа МОЛЧА, ВЕСЕЛО, УГРЮМО с подлежащим глагола, от которого они зависят: *Грузчики молча переносили ящики на баржу*, но не **Ящики молча переносились грузчиками на баржу*; 6.4.3.2. Сведения о денотативных статусах именных групп — актантов данной леммы; ср. конкретно-референтный статус группы подлежащего при глаголе РАСТВОРЯТЬСЯ в актуально-длительном значении и родовой статус — в потенциальном: *Сахар растворяется в воде* [10, с. 248]; 6.4.4. Семантические сочетаемостные ограничения; 6.4.5. Лексические сочетаемостные ограничения; 6.4.6. Синтаксические сочетаемостные ограничения, например, ограничения, налагаемые на порядок слов при данной лемме; ср. целевое ЧТОБЫ, которое может находиться и в пре-, и в постпозиции к главному предложению, и нецелевое ЧТОБЫ, которое может находиться только в постпозиции к главному: *Ветер затихает, чтобы через мгновение задуть с новой силой*, но не **Чтобы через мгновение задуть с новой силой, ветер затихает* [11, с. 69—70]; 6.4.7. Морфологические сочетаемостные ограничения; ср. глагол СТОИТЬ в значении условного или временного союза, который требует от подчиненного ему инфинитива формы совершенного вида: *Стоит ему выйти, как все начинают галдеть*, но не **Стоит ему выходить, как все начинают галдеть*; 6.4.8. Просодические сочетаемостные ограничения.

В связи с установкой на содержательное обсуждение типов лексико-графической информации мы не будем рассматривать в данной работе технически очень важного вопроса о форме подачи соответствующих сведений в словаре. Приведенная выше типовая схема в достаточной мере показывает, что структура словарной статьи мыслится как упорядоченное множество зон, каждая из которых вводится своей меткой и допускает глубокое иерархическое дробление на все более мелкие подзоны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. О поверхностно-семантическом компоненте в модели «Смысл — Текст». — В кн.: Логико-семантические вопросы искусственного интеллекта. Труды по искусственному интеллекту. Вып. 551. Тарту, 1980.
2. Hornby A. et al. The Advanced learner's dictionary of current English. London, 1958.
3. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
4. Vendler Z. Linguistics in philosophy. New York, 1967.
5. Lakoff G. Irregularity in syntax. New York — Chicago, 1970.
6. Miller J. E. Stative verbs in Russian. — Foundations of language. International journal of language and philosophy, 1970, № 6.
7. Lyons J. Semantics. V. 2. London — New York, 1977.
8. Thelin N. B. Towards a theory of aspect, tense, and actionality in Slavic. — Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensis, 1978, 18.
9. Апресян Ю. Д. Нетривиальные семантические признаки и правила выбора значений. — В кн.: Восприятие языкового значения. Межвузовский сборник. Калининград, 1980.
10. Мелик Х. Р. Семантика предложения и семантика вида в русском языке (к классификации глаголов Зено Вендлера). — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985.
11. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке. — В кн.: Семантические типы предикатов. М., 1982.
12. Главинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
13. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
14. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 2, 4, 7, 23, 26, 28, 29, 34, 35, 37, 38, 42, 62, 63, 80, 85, 86. М., 1970 — 1976.
15. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
16. Апресян Ю. Д. К формальной модели семантики. Правила взаимодействия значений. — В кн.: Представление знаний и модели процессов понимания. Новосибирск, 1980.
17. Апресян Ю. Д., Цинман Л. Л. Об идеологии системы ЭТАП-2. — В кн.: Формальное представление лингвистической информации. Новосибирск, 1982.

18. Арутюнова Н. Д. Об объекте общей оценки.— ВЯ, 1985, № 3.
19. Апресян Ю. Д. Английские синонимы и синонимический словарь.— В кн.: Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
20. The world book dictionary. V. I—II. Ed. by Barnhart C. L., Barnhart R. K. Chicago — London, 1984.
21. Worth D. S., Kozak A. S., Johnson D. B. Russian derivational dictionary. New York, 1970.
22. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1, 2. М., 1985.
23. Webster's New international dictionary of the English language. Springfield (Mass.), 1961.
24. Random House dictionary of the English language. New York, 1973.
25. Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, V. I—VI. Paris, 1953—1961.
26. Larousse du XXe siècle en six volumes. Paris, 1955—1956.
27. Littré E. Dictionnaire de la langue française. V. 1—7. Paris, 1958.
28. Reum A. Petit dictionnaire du style. Leipzig, 1953.
29. Reum A. A dictionary of English style. Leverkusen, 1955.
30. Agricola E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Leipzig, 1970.